

СОРАТНИКИ

Мы поддерживали постоянную связь с подпольными патриотическими группами, действовавшими в городах и селах Крыма, снабжали подпольщиков взрывчаткой и минами для диверсий, оружием, литературой. Коротко расскажу о самоотверженной, полной опасностей работе наших разведчиков и связных.

Федор Федорович Волончук — молодой моряк — был заброшен в Крым с группой парашютистов в июне 1943 года. В их задачу входило, базируясь на занятой партизанами территории, проводить регулярную разведку в районах Симферополя, Севастополя, Ялты, выяснять силы противника, его аэродромы, крупные склады и регулярно передавать эти данные по радио на Большую землю. Советская Армия готовилась к наступлению на Крым, поэтому сведения о противнике были очень нужны. О прибытии парашютистов мы были предупреждены, приняли их на партизанском аэродроме. Я познакомился с разведчиками. Как сейчас помню юношу, который с улыбкой отрекомендовался:

— Мичман Волончук!

Потом за боевые заслуги Волончука повысили в звании, но для партизан он так и остался мичманом.

Группа Волончука на разведку ходила очень часто. За полгода разведчики уходили в глубокие рейды десятки раз и всегда возвращались, успешно выполнив поставленные перед ними задачи. Данные о противнике моряки-разведчики сообщали и нам.

— Мы не жадные, — говорил Федор, — кое-чем, так и быть, поделимся. Все равно мы у вас в долгу, как в шелку.

И действительно, партизаны не раз оказывали разведчикам большую помощь. Работали разведчики умело, наладили связь с мирным населением.

В деревне Мангуш мичман познакомился с семьей колхозника Павленко. Кто-то из его родни жил неподалеку от Сак, где у гитлеровцев был большой аэродром, на который разведчикам никак не удавалось проникнуть. А данные об этом аэродроме были очень нужны. Волончук решил попросить Павленко о помощи.

— Нынче за каждым здоровым мужиком немцы во все глаза глядят. Ему и до Сак не дойти, — сказала жена Павленко Ксения. — Уж лучше я пойду. Мне сподручнее.

Жители Крыма!

Вы голодаете потому,
что немец вас грабит.

Бейте фашистов! Этим вы ускорите
нашу победу над врагом.

К СОЛДАТАМ
И ОФИЦЕРЯМ
К „ДОБРЫМ“

К НАСЕЛЕНИЮ
КРЫМА!

К РУМЫНСКИМ
СОЛДАТАМ!
ЖИТЕЛИ КРЫМА!

Листовки партизанского времени.

Через несколько дней тетя Ксения возвратилась и привнесла очень ценные сведения. Потом мичман стал в семье Павленко своим человеком. На него «работали» не только сам хозяин дома, но и его дочь и сын. Они знали, что разведданные нужны советскому командованию, и, преибрегая опасностью, выполняли свой патриотический долг. Таких помощников у Волончука было много.

Дней за десять до боя, в котором погиб дядя Коля, Волончук получил радиограмму. Ему предписывалось связаться с руководителем партийной подпольной организации в Севастополе Сашей Орловским. Орловский — это была подпольная кличка Василия Дмитриевича Ревякина. Нужно было доставить Ревякину радиостанцию, взрывчатку и все необходимое для диверсий. Мичман пришел ко мне и попросил проводников. Понимая трудность задания, я выделил ему лучших проводников — дядю Колю и Костю Кособродова. Через восемь суток Волончук и проводники благополучно возвратились. Вот что рассказал мне Федор Федорович об этом походе.

— Под Севастополем, как известно, ходить в разведку трудно. Войск гитлеровцы нагнали много, того и гляди налетишь на фрица. Поэтому путь в восемьдесят километров занял у нас чуть не неделю. Шли больше ночами, днем отлеживались в кустах. Но, наконец, родной город рядом, близко милые сердцу места. Я решил дядю Коля оставить недалеко от Камышловского моста, а в город войти только с Костей. В случае неудачи дядя Коля мог нас или выручить, или хотя бы сообщить о нашей гибели.

Вот и Пластуновская улица, где я жил до войны.

Она вся в развалинах, вокруг могильная тишина, даже собаки не лают. Город казался вымершим. Около моей квартиры фашисты поставили зенитную батарею, и поэтому попасть домой не удалось. Нужно было идти прямо по данному мне адресу, к Анастасии Павловне Лопачук, благо до Лабораторной улицы (теперь улица Ревякина) было не так уж далеко. Шли тихо, около стен домов. Вот и двор с калиткой. Читаю номер дома — 50. Значит, пришли. Костя со всем нашим грузом пробрался в огород, а я тихонько постучал в темное окно. Ни звука в ответ. Живы ли? Стучу снова, настойчиво, и только тогда слышу:

— Кто там?

— Это я, тетя Ната. Федя Волончук.

Торопливые шаги в сенях, и с тихим скрипом открывается дверь.

— Господи, да откуда ты взялся, Федя? — сказала взволнованно Анастасия Павловна, зажигая каганец. — Аня, ребятишки, как они-то живут?

Что было с моей семьей, я и сам не знал, но, чтобы успокоить тетю Нату, уверенно ответил:

— Живы-здоровы. Видите, тетя Ната, — перешел я прямо к делу, — я оттуда, от наших. Мне нужно сегодня

Ф. Ф. Волончук.

же повидаться с Орловским. Помогите мне в этом.
Анастасия Павловна насторожилась.

— Не бойтесь. Я все знаю и имею задание связаться с ним.

— Ладно, — чуть помедлив, сказал она. — Я сейчас Толика разбуджу.

Через минуту в комнату вбежал, протирая заспанные глаза, мой племянник Толя. Узнав, что от него требуется, он сказал:

— Подожди, дядя Федя, я мигом! — и убежал.

Скоро Толик вернулся. В комнату вместе с ним вошел высокий, подтянутый человек и, протянув мне руку, спокойно сказал:

— Орловский.

Сели к столу. Я коротко рассказал о полученном мною задании, о том, что рация и все остальное уже здесь, у партизана, оставленного на огороде.

— За радио — спасибо особенное. Мы уж не знали, что и придумать. Вы останетесь здесь?

— Нет. Мне приказано возвратиться к партизанам. Если вы сочтете возможным, мы условимся о месте, куда будем доставлять все необходимое.

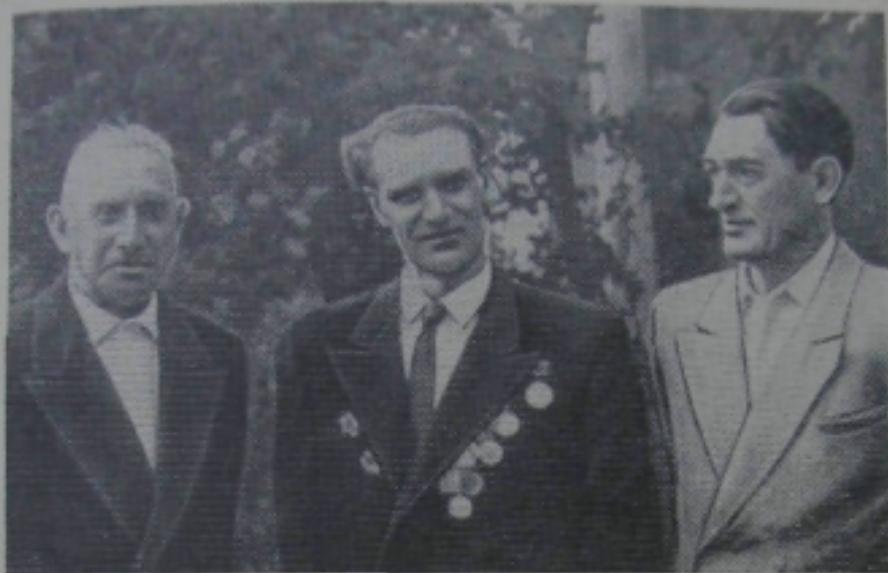
Вышли во двор, я передал все, что мы привнесли, и распрошался с Ревякиным. С Толиком мы прошли на условное место будущих встреч. Видимо, еще придется мне Севастополь увидать...

Волончук намеревался не раз побывать у Ревякина, но это не удалось. Незадолго до освобождения Севастополя Ревякин и его друзья были арестованы и расстреляны.

Впоследствии Волончук возглавил один из партизанских отрядов, сражался в наших рядах.

Замечательными боевыми делами славны и другие разведчики. Активно действовала в районе Симферополя, Сак и Евпатории группа разведчиков Григория Карповича Рябошапко. К Григорию Карповичу однажды пришли жители Симферополя Дмитрий Иноземцев и Дмитрий Келов. Они знали, что Рябошапко связан с партизанами, и часто помогали ему. На этот раз Келов и Иноземцев сообщили, что директор райзаготконторы предлагает передать партизанам кое-какие продукты, но не знает, как это сделать.

Идея заманчивая. Патриоты решили ее осуществить, хотя риск был большой. Нашли три автомашины, догово-

Партизаны братья Кособродовы (слева направо): Дмитрий, Константин и Петр.

рились с шоферами и с грузчиками. В один из дней на машины были погружены три тонны сахара, полторы тонны меда, папиросы, обувь, одежда. Колонна двинулась к деревне Саблы, а затем в лес, на поляну, которую указал Рябошапко. Сам Григорий Карпович пошел разыскивать наш лагерь. Ночью сбежали водители автомашин. Когда Рябошапко вернулся, он понял, что сбежавшие шоферы предадут их, и приказал всем уйти от машин в лес. Утром на поляне появился обоз оккупантов. Его охраняли солдаты. Начальник обоза офицер восседал на двухколке. Никто из них, очевидно, и не подозревал о засаде. Офицер поднялся, хотел отдать какой-то приказ. Но пуля, пущенная из карабина Келовым, сразила его наповал. Заработал автомат Рябошапко. Кони, напуганные выстрелами, стали метаться по поляне, сокрушая повозки. Охрана обоза с криками «Партизанен! Партизанен!» разбежалась. К месту боя подоспели наши партизаны. Погрузив продукты, обувь и одежду на подводы, они увезли все это в лес.

На следующий день к нам прибыли еще три машины с продовольствием.

Однажды Григорий Карпович сообщил, что крестьяне

деревни Саблы запрашивают командование, что делать с урожаем зерновых — убирать или портить?

— Кроме того, — докладывал Рябошапко, — местной общины дали большой план сева озимых. Люди не знают, как поступить, совета ждут...

Это сообщение нас обрадовало. Значит, народ по-прежнему видит в партизанах единственных представителей родной Советской власти.

Рябошапко снова пошел в Саблы. Он посоветовал населению тщательно убрать и свезти в амбары пшеницу и ячмень и ни в коем случае не допустить вывоза этого добра оккупантами. Кукурузу решили оставить неубранной на корню.

— А сеять озимых нужно побольше, — говорил крестьянам Рябошапко. — Будущий урожай убирать будем на свободной земле!

И жители деревни на удивление оккупационным властям посеяли вдвое больше, чем было запланировано гитлеровцами. Позднее с помощью партизан патриоты вывезли в лес все зерно и оборудование для мельницы.

Постоянную связь с диверсионной группой, действовавшей на железнодорожной станции Симферополь, мы поддерживали через разведчиков, возглавляемых Филиппом Мельниковым. Это бывший военнопленный, бежавший к нам из Бахчисарайского лагеря смерти. Смелый, расторопный человек, Мельников сумел сблизиться с патриотической группой «Хрена» — Виктора Кирилловича Ефремова, назначенного немцами русским начальником станции Симферополь. Под руководством «Хрена» было взорвано несколько эшелонов, направлявшихся к Перекопу, разрушена станция Битумная, испорчены десятки километров пути. Для проведения массовых диверсий требовалось все больше и больше взрывчатки и мин. И они регулярно переправлялись «Хрену» через группу Филиппа Мельникова.

В группе разведчиков Геннадия Тайшина, также неоднократно ходившей на связь с Симферополем, особенно отличался шестнадцатилетний Ванюша Гнатенко. В лесу этого смелого, вихрастого юношу приняли в комсомол. Всегда, когда в срочном порядке нужно было быть «языка», посыпали Ванюшу. И я не помню случая, чтобы он возвратился ни с чем. При выполнении ответственного задания отважный комсомолец погиб. Но дого заплатили фашисты за жизнь разведчика: в послед-

Г. К. Рябошапко.

нем бою он лично уничтожил около тридцати гитлеровцев.

Самоотверженно работали наши девушки-разведчицы. Они пробирались в расположение вражеских гарнизонов и приносили в лес ценные сведения.

Славные дочери советского народа отличались не только в разведке. Многие из них сражались с оружием в руках, выхаживали больных и раненых партизан. Помню такой случай. Зимой сорок второго года был тяжело ранен партизан Владимир Лели. Ему оказали первую помощь, но его состояние оставалось очень серьезным. В это время оккупанты пошли в наступление. Нам пришлось спешно уходить в горы. Медицинские сестры Аня Науменко, Валя Дюдяева, Дина Путятинова и Аня Хрящикова решили спасти раненого. Из плащ-палатки они сделали носилки, положили на них Лели и понесли на плечах. Молоденькие, худенькие девушки сгибались под тяжестью носилок, но упорно шли вперед. Километров через пять они совершенно выбились из сил. Остановились на отдых. Но отдохнуть по-настоящему не удалось: фашисты наседали, и наши боевые группы, отстреливаясь, продолжали отходить. Девушки снова подняли

носилки и молча двинулись дальше. Тридцать трудных километров прошли они по горному бездорожью, и никто не слышал от них ни слова жалобы. Как назвать то, что сделали наши боевые подруги? Это зовется подвигом!

Много было таких героинь в партизанских лесах. Наравне с нами они несли все тяготы лесной жизни и не щадили жизни в борьбе с ненавистным врагом.

Расскажу о трагической гибели Муси Палей. Девушка была у нас медицинской сестрой. Однажды она вызвалась идти на задание вместе с группой партизан. Дело в том, что в группе шли Бобылев и Кожевников, с которыми Муся дружила. Парни, очевидно, пытались за ней ухаживать, но она, не желая огорчать ни того, ни другого, была с обоими приветлива и ровна. Горячих слов о любви сказано не было — не до того было.

Группа отправилась в поход в сторону Алушты. Скрыто подобравшись к румынскому сторожевому посту, партизаны без шума уничтожили двух солдат и капрала, забрали их документы, оружие и продукты. На обратном пути встретили чабана, пасшего овец. Он оказался предателем. Угодливо улыбаясь партизанам, он, едва они отошли от него, побежал в деревню и донес.

Немедленно были подняты на ноги полиция, полевая жандармерия, из Алушты примчалось несколько машин с солдатами. Вся долина, по которой двигались в обратный путь уставшие от дальнего перехода партизаны, была оцеплена. Враги стали сжимать кольцо, ведя беспрерывный огонь из автоматов. Дело происходило днем, и у партизан не было никаких шансов на спасение. Все же они решили пробиваться и перебежками стали подыматься по склону горы Демерджи. Фашисты их заметили, открыли прицельный огонь. Здесь и была ранена Муся: у нее были перебиты обе ноги. Идти дальше она не могла. Сдерживая стоны, она попросила пристрелить ее, чтобы живой не попасть в руки карателей. И все же ни Бобылев, ни Кожевников не решились на это. Забросав Мусю ветками, они пошли вперед, надеясь выбраться из ловушки и вернуться к ней. Но вскоре оба были убиты. Группа была рассеяна. Лишь одиночки выбрались из петли и то потому, что наступили сумерки. А Муся погибла.

Была у нас одна девушка со смешным прозвищем «Трофим». Имя я, к сожалению, забыл, но ее помню хорошо. Даже среди партизан, которых смелостью не удивишь, она отличалась особой отвагой: так и рвалась в

бой, пренебрегая опасностью, не щадя себя. Она отлично ездила верхом, как опытный партизан владела винтовкой и вообще ни в чем не уступала мужчинам. С девушками она не дружила, а постоянно была с партизанами-мужчинами. Вот поэтому ее и прозвали Трофимом. Рослая, сильная партизанка была одним из лучших наших бойцов. Однажды она не вернулась из разведки. Я не знаю обстоятельств ее гибели, но уверен, что она не дешево отдала свою жизнь. И мертвый ее представить невозможно. В моей памяти она навсегда останется живой, веселой, сидящей верхом на лошади, с винтовкой за плечами. Славный партизан Трофим!

Большим уважением в лесу пользовалась медицинская сестра А. Иванец. Она выносила раненых с поля боя, заботливо ухаживала за ними, и многие бойцы обязаны ей своей жизнью.

Вместе с партизанами, прилетевшими из Сочи в лес, вернулись и три партизанки — медицинские сестры Аня Науменко, Аня Хрящикова и Дина Путятинна. В горах Крыма они провели год, десятки раз были на волоске от гибели, но снова решили идти в партизаны. А ведь могли бы, как это сделали некоторые их подруги, остаться на Большой земле, поступить в институт. Для этого достаточно было пойти в обком комсомола и получить направление: партизанок принимали на учебу вне конкурса, без экзаменов.

Что же заставило этих девушек отказаться от столь заманчивых перспектив и снова вернуться к суровой, полной невероятных лишений партизанской жизни? Ответ ясен: патриотизм, любовь к Советской Родине, понимание своего долга, ненависть к захватчикам — вот что двигало поступками наших боевых подруг.

Аня Науменко.

А. Н. Иванец.

Д. Ф. Путятина.

* * *

Во второй период нашей борьбы обстановка резко изменилась к лучшему. Потеплело в партизанских лесах, потеплело и на душе у наших людей. А тут в составе мирного населения в лес пришло много женщин и девушек. Начались разные сердечные истории. Среди партизан-холостяков появились желающие жениться. Но время было совсем неподходящее для этого, и мы советовали подождать до конца войны. Лишь в редких случаях командование разрешало партизанам вступать в брак. Однажды даже была устроена лесная партизанская свадьба. Женили Жору Грузинова. Этому торжественному событию предшествовал один случай.

Штаб отряда Грузинова располагался в деревне Новый Бодрак. Партизанские заставы занимали один берег речки, а на другом были солдаты армии Антонеску. Группы партизан переходили через речку и, не поднимая шума, выкрадывали у врага часовых. Мастеров на такие дела в отряде было много. Каждую ночь они возвращались с добычей, приводили пленных, пригоняли скот, приносили продукты. Дошло до того, что партизаны стали уносить из домов, где жили враги, ценные вещи. Однажды Жора позвал партизана Кирюшина и сказал:

— Ты слышал, Саша, новость? Наши милые соседи

увлеклись музыкой. Каждый божий день с их стороны доносятся различные мелодии. Я бы мог терпеть, если бы у них была простая «тальянка». Но у соседей шикарный аккордесн фирмы Хохиер.

— Так, может быть, купить его у них?

— Нет, лучше произвести обмен. Надо прийти ночью, вежливо и аккуратно взять инструмент, а взамен оставить им пару гранат. Если хозяев много, то предложить противотанковые, чтобы всем хватило. Сдача не дожидаться, мы люди не мелочные.

— Ясно, товарищ командир!

На другое утро аккордеон был уже в отряде. Теперь у Жоры было три баяна и один аккордеон. Исполнилась его мечта о квартете.

Но дерзкие вылазки не прошли даром. У противника, видимо, лопнуло терпение, и в одну из ночей Бодрак был окружён. Штаб отряда оказался отрезанным от основных сил. Охраняли штаб два партизана с пулеметом, шесть автоматчиков, ординарец с карабином. Жора вывел всех людей на окраину села и укрепился на возвышенности, около которой, по его предположению, должны были проходить основные силы наступающих. Его расчет оправдался — вскоре мимо холма по направлению к лесу стали продвигаться около полусотни солдат. При подходе к селу они залегли и стали ползти. Жора пропустил их мимо и дал команду музыкантам. С высотки четыре баяна грянули задорно румынскую песенку «Романия папушой», которой партизан научил когда-то Тома. Оккупанты, услышав знакомую музыку подумали, что это идет какой-то их отряд, и поднялись. И тут-то ударили партизанский пулемёт, застрочили автоматы, полетели гранаты. Оставшиеся в живых солдаты бросились наутек, а штаб Грузинова вышел из окружения.

Через день противник из Нового Бодрака был выбит, и Жора стал готовиться к свадьбе. Невестой была медицинская сестра Вера Красноносенко.

Сваты, молодой политрук Володя Олейников и Петр Кузьменко, пришли к командиру бригады и дипломатично начали разговор.

— Скажите, товарищ комбриг, когда свадьба бывает, ведь всегда кричат «горько».

— Конечно, кричат, — ответил комбриг.

— А стоит ли кричать, если в бокале не вино, а вода?

— Какая же свадьба без вина?

— И мы это говорим. А вот Жора хочет жениться без вина.

— А, Грузинов! Ну, помочь не могу, у меня вина нет.

— Так разрешите, мы сходим, поищем.

Меня по этому же вопросу тоже «обрабатывали». Ничего другого не оставалось, как дать разрешение на небольшую продовольственную операцию, тем более, что ее уже давно подготовили. В деревне партизаны бесшумно взломали склад, выкатили оттуда две бочки вина, а на обратном пути «прихватили» у немецкого коменданта откормленного кабана.

...Теплый, осенний вечер. На полянке между кострами аккуратно разложены плащ-палатки. В котелках шорпа — острое крымское блюдо из бааранины, овощей и картофеля. На шомполах — пахнущие дымком румяные шашлыки, в бутылках — искристое вино.

Женили Жору и Веру всем отрядом. Гостей собралось вдвое больше, чем предполагали. Каждый лагерь считал долгом послать своих представителей, чтобы поздравить молодых и пожелать им счастья.

Это была первая партизанская свадьба, проведенная по всем правилам. В штабе молодоженов зарегистрировали, выдали им «Временное свидетельство о браке». Текст его составляли коллективно. Он получился не совсем обычным, но партизанам понравился.

Когда вручали этот документ, кто-то церковным басом затянул:

— Венчаются раб божий Егор — воевода и раба божья знахарка Вера...

— Аминь! — закончил начальник штаба отряда Федор Ковтун.

Партизаны подняли кружки, чашки, а иные котелки, наполненные вином, закричали: «Горько! Горько!».

Смушенный Жора пытался отшутиться:

— Выдумали тоже, «горько»! Это вам не старый режим. Через ваши предрассудки я должен нарушать субординацию — публично целовать своих подчиненных.

Но крики не смолкали. Делать нечего: жених и невеста поцеловались, и свадьба продолжалась своим чредом.

Жора как всегда был одет опрятно: на старой, чисто выстиранной и отглаженной гимнастерке — орден Красного Знамени, медали, через плечо — командирский ремень-португия, хромовые сапоги блестят. Невеста в бе-

лом платье. Этот «подвенечный» наряд ей подарили женщины из партизанского села. Не хватало только фаты — ее нигде не могли сыскать.

— Внимание, внимание! — раздался голос свата Кузьменко. — По обычай молодым подносят подарки. Можно дарить пинетки, шифоньеры, сервизы чайные и столовые, отрезы на костюмы и пальто. Принимаются также детские колясочки, детское белье.

— А где их взять? — спросил кто-то. — И где все это молодые будут хранить?

— Не беспокойтесь. Сваты все обдумали. Пишите расписки и сдавайте их мне. После войны отоварите — потребуем все, до последней иголки. Учтите — я нешу, сам лично буду контролировать.

Весело переговариваясь, партизаны писали расписки. Один подарил чайный сервиз, другой писал: «За мной зеркальный шкаф», третий обещал дюжину сосок и наручные часы.

Всю ночь напролет играли баяны. Над лесом звучали задорные песни. Не было конца щуткам и смеху. А когда, уже под утро, заиграли «Офицерский вальс», в круг вышли Вера и Жора. Нежно обнявшись, они кружились на зеленой поляне и смотрели друг на друга ясными, добрыми глазами, полными большой любви.

* * *

Как-то после войны мы, группа партизанских командиров, собрались на вечер к старому боевому товарищу. Выпивали, вспоминали лесную жизнь, пели песни. Потом жена хозяина вышла на середину комнаты и пустилась в пляс. Плясала она здорово — красиво и задорно. Редко когда на сцене увидишь такую пляску. Мы, понятное дело, были в восторге и, шутливо подталкивая хозяина в бока, спрашивали:

— Где ты нашел такую жену? Огонь-баба!

— В лесу, где же еще! Помните, как вы за нее меня прорабатывали? Она самая...

И я вспомнил еще одну «сердечную историю».

Однажды мне доложили, что работник тыла, заведующий складом боеприпасов, сошелся с одной девушкой из гражданского лагеря, приблизил ее к себе и даже разрешает ей вмешиваться в свои служебные дела: кому дать оружие в первую очередь, а кому во вторую — решает уже не он, а его лесная жена. Непорядок? Конечно. И я

решил приструнить тыловика-молодожена. Вызвал его и комиссара. Являются.

— Кто, — спрашиваю, — командует у вас тылом? Кто распределяет оружие и боеприпасы?

— Я, — отвечает он.

— Нет, не ты, а твоя любовница. А знаешь ли ты, как она вела себя на оккупированной территории? Может быть, она была связана с врагом. А ты доверился...

Вижу, мой зав побледнел, покраснел и слова вымолвить не может.

— Вероятнее всего, — продолжаю я, — ее подослала к нам фашистская разведка. Есть подозрение. Что прикажешь делать?

Услышав эти слова, «молодой» муж чуть не упал передо мной на колени и стал умолять не губить ее.

— Она не виновата, — твердил он. — Я ее хорошо знаю. Это клевета, клянусь! Я ее сейчас же отправлю в лагерь.

Вижу, понял свою ошибку. Теперь можно с ним говорить помягче. Все же сердце не камень. Ладно, говорю, отошли ее в гражданский лагерь и близко к ней не подходи.

— Есть, товарищ командир! Будет исполнено.

И он, обрадованный, ушел.

Потом был большой бой, который окончился нашей полной победой. Заведующий складом здорово управлялся со своими делами. Ночью принимал «дугласы», днем базировал оружие и боеприпасы, распределял их по отрядам. Работал чуть не круглые сутки.

Я вызвал его, чтобы представить к награде. Вижу, о чем-то хочет попросить. Называет меня не командиром, а командующим.

— Товарищ командующий, узнал я про все. Насчет связи с румынами — брехня. Позвольте, возьму ее в жены? Жить без нее не могу!

— Ну, говорю, раз по сердцу пришла — женись. Совет да любовь вам!

ПРЕДАТЕЛЯМ НЕТ ПОЩАДЫ

С притоком в партизанские отряды множества новых людей у врага появилась возможность забрасывать к нам шпионов, убийц, диверсантов. Первая группа шпион-